МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЗБЕКСКОЙ АУДИТОРИИ

М.Э.Турсунова[1]

1. доцент кафедры узбекской и русской филологии, Азиатский международный университет, Бухара, Узбекистан

Mas'ul muallif: Турсунова Мая Эркиновна, доцент кафедры узбекской и русской филологии, Азиатский международный университет, Бухара, Узбекистан.

Received: 26 Oktabr 2026
Accepted: 31 Oktabr 2026
Published: 05 Noyabr 2026

Copyright: © 2026 by the author(s). Licensee Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi.

Iqtibos uchun: Турсунова, М. Э. МОЛОДЕЖНЫЙ СЛЕНГ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В УЗБЕКСКОЙ АУДИТОРИИ / М. Э. Турсунова // Buxoro xalqaro universiteti ilmiy axborotnomasi. — 2026. — Т. 11, № 1. — В. 199–201.

Аннотация. В статье рассматриваются возможности и ограничения использования молодежного сленга в обучении русскому языку студентов-филологов с узбекским родным языком. На основе анкетирования, тестирования, контент-анализа интернет-комментариев и краткого педагогического эксперимента показано, что студенты уверенно распознают сленгизмы англоязычного происхождения, но затрудняются в их стилистической квалификации и уместном употреблении. Предложена трёхступенчатая модель работы со сленгом: распознавание, стилистическая квалификация и регистровая переключаемость. Результаты эксперимента подтверждают эффективность модели.

Ключевые слова: молодежный сленг, русский язык как неродной, билингвизм, узбекская аудитория, стилистическая компетенция, переключение кодов.

O‘ZBEK AUDITORIYASIDA RUS TILINI O‘QITISH AMALIYOTIDA YOSHLAR SLENGIDAN FOYDALANISH

Annotatsiya. Maqolada o‘zbek tilida so‘zlashuvchi filolog talabalarga rus tilini o‘qitishda yoshlar slengidan foydalanishning imkoniyatlari va cheklovlari ko‘rib chiqiladi. So‘rovnoma, test, internet sharhlari kontent tahlili va qisqacha pedagogik tajriba asosida talabalar ingliz tilidagi slenglarni ishonch bilan tanib olishlari, ammo ularni uslubiy jihatdan o‘zlashtirish va o‘rinli qo‘llashda qiyinchiliklarga duch kelishlari ko‘rsatilgan. Sleng bilan ishlashning uch bosqichli modeli taklif etilgan: tanib olish, uslubiy malaka va registr almashinuvi. Tajriba natijalari modelning samaradorligini tasdiqlaydi.

Kalit so'zlar: yoshlar slengi, rus tili o‘zga til sifatida, bilingvizm, o‘zbek auditoriyasi, stilistik kompetensiya, kodlarni almashtirish.

YOUTH SLANG IN THE PRACTICE OF TEACHING RUSSIAN TO UZBEK-SPEAKING LEARNERS

Abstract. The article examines the possibilities and limitations of using youth slang in teaching Russian to philology students whose native language is Uzbek. Based on questionnaires, testing, content analysis of internet comments, and a brief pedagogical experiment, it was shown that students confidently recognize slang words of English origin, but struggle with their stylistic qualification and appropriate use. A three-stage model for working with slang is proposed: recognition, stylistic qualification, and register switching. The experimental results confirm the effectiveness of the model.

Keywords: youth slang, Russian as a foreign language, bilingualism, Uzbek audience, stylistic competence, code switching.

Введение. Молодежный сленг принадлежит к наиболее подвижным пластам современной русской лексики. Он быстро откликается на перемены в обществе, технологиях и культуре, а потому служит своеобразным индикатором речевого поведения поколения, выросшего в цифровой среде [1; 2]. Для преподавателя русского языка как неродного сленг создаёт двойную проблему. С одной стороны, студенты ежедневно встречаются с ним в социальных сетях, видеороликах и мессенджерах, и без знакомства с этим пластом лексики их понимание живой русской речи остаётся неполным. С другой стороны, сленг выходит за рамки литературной нормы, и его некритичное усвоение приводит к стилистическим ошибкам в учебных, деловых и официальных текстах.

Специфика узбекской аудитории определяется устойчивым узбекско-русским двуязычием. Для значительной части студентов Ферганской долины русский язык является языком образования, межнационального общения и медиапространства, при этом он усваивается на фоне родного узбекского и всё более активного английского языка [3; 4]. Билингвы свободно переключают коды, создают гибридные образования и нередко переносят нормы одного языка на другой [5]. Молодежный сленг в такой среде развивается не как исключительно русское

явление, а как результат взаимодействия нескольких языковых систем.

Методическая литература традиционно рассматривает разговорную речь и просторечие как объект обучения русскому языку как иностранному [6], однако сленг чаще либо игнорируется, либо оценивается лишь как нарушение нормы. Работ, в которых сленг системно включён в курс русского языка для узбекской аудитории с опорой на билингвальный опыт обучающихся, остаётся немного. Это определяет актуальность настоящего исследования.

Цель статьи - определить роль молодежного сленга в формировании коммуникативной и стилистической компетенции студентов-филологов узбекской аудитории и обосновать модель его включения в учебный процесс. Для достижения цели решались следующие задачи: выявить уровень понимания и характер использования сленга студентами; описать особенности его функционирования в билингвальном интернет-общении; проверить эффективность предложенной методики на практике.

Методы. Исследование проведено в 2025/2026 учебном году на кафедре русской филологии Ферганского государственного университета. В нём приняли участие 86 студентов второго и третьего курсов бакалавриата по направлению «Русская филология». Все участники являлись билингвами с родным узбекским языком.

Использовались четыре метода. Первым стало анонимное анкетирование из 12 вопросов, направленное на выявление частоты контактов со сленгом, источников его усвоения и отношения студентов к его употреблению в учебной речи. Вторым методом был тест на понимание, включавший 20 сленгизмов (кринж, рофл, вайб, краш, хайп, чилить, флексить, душнила, зашквар, залипать и др.), которые отбирались по частотности в молодежных текстах и по данным словарей [2; 8]. Студентам предлагалось истолковать единицу и определить её стилистический статус.

Третьим методом стал контент-анализ 300 комментариев молодежной аудитории в публичных Telegram-каналах Узбекистана. Анализировались переключение кодов, словообразовательная адаптация заимствованных единиц и коммуникативные функции сленгизмов.

Четвёртым методом был педагогический эксперимент продолжительностью восемь недель. Экспериментальная (43 студента) и контрольная (43 студента) группы занимались по одной программе, но в экспериментальной группе на каждом занятии выделялось 15–20 минут на работу со сленгом по описанной ниже модели. До и после эксперимента проводился срез по стилистической дифференциации: студентам предъявлялись 20 высказываний, в которых нужно было оценить уместность сленга в заданной ситуации и подобрать нейтральный эквивалент. Данные обрабатывались методом подсчёта процентных долей, различия между группами устанавливались сопоставлением средних значений.

Результаты.

Анкетирование показало, что 67 студентов (78 %) встречаются со сленгом ежедневно, главным образом в Telegram и YouTube; 21 % респондентов назвали источником также живое общение с ровесниками. Лишь девять студентов (10 %) сообщили, что преподаватели обсуждали сленг на занятиях. При этом 59 опрошенных (69 %) считают знание сленга необходимым для понимания современной русской речи, а 64 (74 %) убеждены, что в учебных текстах его употреблять нельзя.

Тест на понимание дал средний результат 11,4 балла из 20 (57 %). Различия между группами единиц оказались заметными. Сленгизмы англоязычного происхождения (кринж, рофл, вайб, хайп, краш) были поняты в 68% случаев, тогда как единицы, образованные на русской основе путём переосмысления или суффиксации (душнила, зашквар, залипать), - лишь в 44%. Стилистический статус единицы верно определили 41 % студентов; чаще всего сленг ошибочно квалифицировали как разговорную или даже нейтральную лексику.

Контент-анализ комментариев выявил, что в 38% сообщений присутствовало переключение между узбекским и русским языками, причём русские сленгизмы, как правило, встраивались в узбекский синтаксический каркас. В 21% сообщений обнаружены гибридные формы: русская или английская основа сочеталась с узбекским аффиксом или служебным глаголом (по типу лайк босиш, скролл қилиш). Ведущими функциями сленга оказались экспрессивная (выражение эмоциональной оценки), маркирование групповой принадлежности и языковая игра; в ряде случаев сленгизм выполнял эвфемистическую функцию, смягчая резкую оценку.

Педагогический эксперимент дал следующие результаты. Входной срез зафиксировал практически одинаковый уровень: 52% верных ответов в экспериментальной группе и 51% в контрольной. После восьми недель занятий доля верных ответов составила 79% в экспериментальной группе и 54% в контрольной. Кроме того, в письменных работах (эссе), выполненных за период эксперимента, неуместное употребление сленгизмов отмечено у трёх студентов экспериментальной группы (7%) и у 12 студентов контрольной (28%).

Обсуждение.

Высокая частота контактов со сленгом при слабой его осознанности указывает на разрыв между внеучебным и учебным речевым опытом студентов. Сленг усваивается стихийно, без стилистической квалификации, и обучающиеся нередко не отличают разговорную лексику от нейтральной. Это согласуется с представлением о том, что владение языком включает умение выбирать регистр в зависимости от ситуации общения [6; 7]. Показательно и противоречие в установках: большинство студентов признают важность сленга для понимания речи, но не имеют критериев его допустимости, поэтому ограничиваются категорическим запретом.

Лучшее понимание англицизмов объясняется трёхъязычной языковой ситуацией: английский язык служит студентам посредником, а многие единицы известны им из глобального медиапространства независимо от русского языка. Сленгизмы на русской основе, напротив, требуют лингвокультурного комментария. Значение слова душнила, например, опирается на метафору, прозрачную для носителя, но не очевидную иностранному учащемуся. Полученные данные подтверждают тезис о неразрывной связи языка и культуры в обучении [11; 12].

Гибридные образования и переключение кодов, зафиксированные в комментариях, нельзя считать простым дефектом речи. Для билингвов это полноценная коммуникативная стратегия, позволяющая выразить отношение к собеседнику, обозначить принадлежность к группе и создать эффект игры [5; 10]. С методической точки зрения такой опыт представляет собой ресурс: сопоставление русского сленгизма с узбекским и английским эквивалентами активизирует метаязыковое мышление студентов.

На основании полученных данных предлагается трёхступенчатая модель работы со сленгом. На первой ступени студенты учатся распознавать и толковать единицу по контексту, опираясь на родной и английский языки. На второй ступени они определяют стилистическую принадлежность единицы по шкале регистров и подбирают нейтральные эквиваленты. Третья ступень направлена на формирование регистровой переключаемости: в ролевых заданиях студенты переписывают сообщение другу в форму делового письма и, наоборот, преобразуют официальный текст в неформальную реплику. Модель опирается на принцип ситуативности коммуникативного метода [9], а её результативность подтверждается динамикой итогового среза в экспериментальной группе.

Практический опыт позволяет сформулировать несколько рекомендаций. Объём материала на одном занятии целесообразно ограничивать пятью–семью единицами. Работать следует с аутентичными текстами и комментариями, а не с искусственными примерами. Продуктивное употребление сленга не нужно навязывать: цель курса состоит в понимании и уместном выборе, а не в подражании речи носителей. Наконец, преподавателю необходимо показывать студентам недолговечность многих сленгизмов и регулярно обновлять учебный материал.

Ограничения исследования связаны с выборкой, ограниченной одним вузом, и с небольшой продолжительностью эксперимента. Кроме того, сленг быстро устаревает, поэтому перечень единиц, использованный в тесте, требует периодической актуализации. Перенос результатов на другие регионы Узбекистана должен сопровождаться дополнительной проверкой.

Заключение.

Молодежный сленг является неотъемлемой частью языковой среды, в которой обучаются студенты узбекской аудитории, и его игнорирование обедняет подготовку будущих филологов. Исследование показало, что студенты хорошо знакомы со сленгом, но слабо владеют его стилистической квалификацией. Систематическая работа по трёхступенчатой модели повышает умение различать регистры и сокращает число неуместных употреблений в письменной речи. Перспективой дальнейших исследований представляется создание учебного словаря-минимума русского сленга с узбекскими и английскими параллелями.

Список использованной литературы

[1] Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М.: Наука, 1989. 187 с.

[2] Никитина Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь. М.: Астрель: АСТ, 2003.

[3] Верещагин Е. М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М.: Изд-во МГУ, 1969. 160 с.

[4] Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / пер. с англ. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.

[5] Poplack S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en español: toward a typology of code-switching // Linguistics. 1980. Vol. 18, № 7–8. P. 581–618.

[6] Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. М.: Русский язык, 1979. 240 с.

[7] Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 1996. 207 с.

[8] Ермакова О. Н., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы все встречались: толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999.

[9] Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. 2-е изд. М.: Просвещение, 1991. 223 с.

[10] Gumperz J. J. Discourse strategies. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 225 p.

[11] Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

[12] Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. 4-е изд. М.: Русский язык, 1990. 246 с.